

Танька

Её приход в этот мир был долгожданным и предсказуемым. Ещё до рождения Татьяна Степановна, её будущая бабка по матери, обидчиво поджав губы, не раз, при случае, заговаривала о том, что, мол, имена сегодня деткам дают всё новомодные – Лариса да Света, нет бы старинными называть... Анна, располневшая и подурневшая лицом на последнем сроке, отмалчивалась, не хотела перечить матери, хотя имя для дочери уже выбрала – Наташа. Что родится девочка, почему-то не сомневался никто, и прежде всего многоопытная в этом деле Татьяна Степановна. Выносив в своём чреве пятнадцать ребятишек, она, по одной ей понятным приметам, безошибочно ждала первую внучку. Фёдор Иванович, супруг Татьяны Степановны, по-мужски был сдержан, в разговоры не вступал, но по частым и пристальным взглядам, обращённым на дочь, было заметно, что и его предстоящее событие не оставляет равнодушным. Рождение собственных детей для него являлось большой радостью и сопровождалось каждый раз одним и тем же ритуалом. Почему-то его Татьяна чаще освобождалась ночью или перед рассветом. Так вот, приняв от бабки-повитухи очередной орущий комочек, он подкладывал его к спящей на раскинутых по комнате матрацах ребячьей ораве: принимайте братца или сестрицу! – и счастливо смеялся, глядя, какой переполох устроил на полу. Анну, у которой муж служил в армии, он отвёз рожать сам, по новому обычаю в роддом, где на вопрос знакомой акушерки: кого рожать будем? – коротко бросил, как припечатал: «Таньку!»

Так, в одну из майских ночей, напоённую ароматами цветущих садов, пришла в мир маленькая девочка. Красивая, как месяц, в котором родилась, – с соболиными бровками и глазами цвета молодой листвы, той, что в радост-

ном волнении плескалась за окнами роддома. Её, боясь сглаза, долго не показывали никому, оберегая всем большим семейством. Татьяна Степановна, хвалясь внучкой перед соседками, была немногословна и лишь повторяла раз за разом: «Христовый ребёночек!», чем немало подогревала их любопытство. Фёдор Иванович так явно, как супруга, не выказывал своего отношения к внучке, но обмывал её рождение целую неделю и как-то так без слов дал всем понять, что на свет появилось обожаемое им существо. И она, чуть осознав себя в этом мире, прилепилась к нему своим маленьким верным сердечком.

Скоро у них появятся ещё внуки, но место, занятое Танькой, никто из них даже не пробовал оспорить. Она восседала на своём троне крепко и долго, став, по сути, полноправным членом большой семьи деда с бабкой.

Как только она отказалась от материнской груди, Анна была отпущена на работу. «Мы теперь и без тебя управимся», – уверенно заявила Татьяна Степановна при молчаливом согласии мужа.

В одной из комнат их дома на стене висел репродуктор – вещь, весьма распространённая у населения в военное и послевоенное время. Это примитивное радио представляло собой большую чёрную тарелку с принимающим устройством, и по нему часто передавалась музыка. При первых же звуках крошечная Танька замирала, а потом начинала крутить головёнку, пытаясь обнаружить их источник. Тогда её вынимали из зыбки и подносили ближе. Она какое-то время внимательно вслушивалась, а потом начинала восторженно гукать, немало потешая своими «концертами» всех присутствующих. «Артисткой будет внучка-то у нас, не иначе», – смеялся со всеми дед.

Артистка не артистка, но чисто говорить слова и простые фразы девочка начала с года,

а к трём знала наизусть все бабушкины сказки, стишки из книжек и песни, что пели в семье и старшие, и молодые. Сидя где-нибудь в саду или у ворот на большом сером валуне, она часто пела, старательно выводя мотив.

А когда Танька сделала первые шаги, Фёдор Иванович, вне себя от радости, подкатил на мотоцикле к детской поликлинике, где медсестрой трудилась Анна, и огорошил дочь:

– Собирайся домой: Танька пошла!

– Так рабочий день ещё не закончился, – растерялась та.

На покосе

Подходил сенокос. Дед, уже побывавший на осмотре травы, несколько дней старательно готовился к отъезду: кремневым оселком правил литовки, насаживал их на дровяки, кое-где заменил на упорах поистлевшие за зиму верёвки, укрепил расшатавшиеся зубья деревянных грабель. Танька подолгу крутилась рядом и всё никак не решалась завести разговор о покосе.

Наконец в один из вечеров, отужинав, вся семья осталась за столом. Фёдор Иванович распорядился:

– Поедем завтра одни мужики. День-два покосим, а подсыхать начнёт, за вами, девчата, приеду. Ворошить и копнить сено вы будете. Да, вот ещё что, ты, мать, не забудь им полог под ягоды приготовить. Красно в траве от них. Пусть собирают и сушат.

Танька беспокойно заёрзала на дедовом колене.

– Что, егоза, – хитро прищурился тот, – и тебе, поди, захотелось на покос?

– Ага...

– Куда ты! Чего удумала! – вмешалась бабушка, – комары там тебя заедят, в лесу-то. Да и кто за тобой смотреть будет? Работать надо!

«Егоза» приготовилась было пустить в ход безотказное средство, но до слёз не дошло. Неожиданно для всех дед вступился за внучку:

– А пусть едет, не маленькая уже, покусуют, так покусуют. Давай собирайся!

Благодарная Танька мигом съехала с дедова колена, чтобы бежать собираться, но, поймав недовольный бабушкин взгляд, снова прочно уселась на место и прижалась к деду. Тот, понимая опасения внучки, ласково погладил её по головке:

– Поедешь, поедешь, завтра со мной.

И миролюбиво добавил для бабки:

– Ну, привезу назад, если что, когда за девчатами приеду.

Наутро, сквозь сон услышав бряк и говор во дворе, Танька быстро вскочила со своей лежанки и, путаясь в длинной ночной рубашке, кинулась в сени, а затем на крыльцо. Нерешительно переминаясь босыми ногами на прохладном и влажном от утренней росы большом сером камне, заменяющем ступеньки, тихонько позвала:

– Какая же работа! Говорю: Танька пошла! – ликовал счастливый дед, не желая слышать ни о чём другом.

Когда ножки девочки окрепли настолько, что самостоятельно могла забираться на дедово колено, она надёжно там и устраивалась во время трапез, деля с ним одну тарелку на двоих. А потом Танька подросла ещё немного, и ещё, и вместе с ней менялся и расширялся мир вокруг, который она воспринимала по-своему открыто, обострённо, ярко и в котором с ней стали происходить забавные и не очень забавные истории.

– Де-е-еда-а-а.

Увидев растерянное лицо внучки, Фёдор Иванович рассмеялся:

– Ну чего тебе не спится, неугомонная! Рано ещё, иди, досыпай! Не уедем без тебя, не бойся.

Но той было уже не до сна: вдруг да забудут. Помня вчерашнюю бабкину реакцию, она робко приблизилась к ней и, не зная, что берут с собой на покос, спросила:

– Баба, а где мои галоши?

– Завыдумывала не зная чего. Зачем они тебе? – заворчала Татьяна Степановна, но тут же остановила себя:

– Одевайся. Не нужны тебе галоши в лесу, всё уж собрала твоё.

Благодарно ткнувшись в бабушкин мягкий живот, Танька мигом натянула платице и опять побежала во двор смотреть, как идут приготовления к отъезду

Рано выезжать не торопились – косить собирались с завтрашней утренней зорьки, а сегодняшний день отводился на обустройство. Наконец, плотно позавтракав, двинулись в путь. Запряжённый парой лошадей просторный фургон, нагруженный мешками с провиантом, косами, граблями и всякой мягкой рухлядью, необходимой для жизни в «поле», тряско катил по просёлочной дороге. Танька сидела на скатке из старых ватных одеял и держалась за своего младшего дядьку – Славу.

– Открой широко рот и говори «а», – приказал тот.

– Зачем? – привычно завредничала она, но Слава, и не рассчитывающий на сиюминутное подчинение, быстро проделал это сам, и из его рта покатались смешные перекаты. Танька тут же талантливо собезьянничала, взяв на тон выше – тряска из неприятной мгновенно превратилась в просто необходимую, и чем сильнее, тем лучше.

Так весело тряслись с добрых полчаса и, наконец, свернули на едва различимую лесную дорогу. По сторонам от неё пёстро цвели небольшие полянки, наполняя округу сладковатой пахучей духотой. Было тихо, и только чуть слышное убаюкивающее «ку-ку, ку-ку» нарушало этот

первозданный покой. Рты у обоих закрылись сами собой. Хотелось пить, молчать и слушать ароматную тишину...

Привалившись к дядькиному плечу, Танька тихонько засопела и очнулась от громкого дедова голоса:

– Слезайте, приехали! Славка, выпрягай лошадей да отведи их к роднику, пусть попьют.

Фургон поставили под старой раскидистой берёзой и начали обустраиваться. Из нарубленных веток соорудили просторный шалаш, выкопали ямку под кострище, очистили от мусора и слегка углубили маленькое озерцо родника, а после разбрелись по лесу: кто по ягоды, кто по грибы.

Наутро Танька проснулась от сердитого жужжания. Открыв глаза, прямо перед собой увидела огромного овода, явно нацеленного на неё. Быстро юркнув под одеяло и так же быстро вынырнув назад, она поняла, что одна. В шалаше вкусно пахло подвявшими берёзовыми листочками. Овод вновь пошёл в атаку, и ничего другого не оставалось, как поползти к выходу.

Выбравшись наружу и оглядевшись, девочка увидела несколько зелёных рядков, убегающих к противоположной стороне поляны. Оттуда, к ней навстречу, чуть поотстав друг от друга и мерно размахивая косами, шли молодые дядьки во главе с дедом. Она с интересом стала наблюдать за их слаженными движениями и вдруг услышала... песню, что при каждом взмахе выпевали литовки – «вжик-вжик, вжик-вжик, вжик-вжик!». Разливаясь в утренней прохладе, песня заполняла всё пространство большой поляны, поднималась ввысь и звенящей струйкой перетекала в изумлённую Таньку. Боясь шевельнуться, девочка вслушивалась в этот восторг внутри себя, сердечко колотилось, и ей вдруг захотелось громко-громко кричать и смеяться! От этого стало чуточку стыдно перед взрослыми, и она лишь смущённо улыбалась, глядя на них.

Увидев внучку, дед позвал:

– Протирай глаза и беги к нам – завтракать. Смотри, сколько ягод мы тебе насрезали!

Подстраиваясь под ритм своей песни, Танька на одной ножке заскакала между рядками.

– Не балуй, коза! Подвернёшь ногу – бабка нам задаст тогда!

– Не-а, не подверну, – прыгая с рядка на рядок, дразнила деда «коза» и тут же растянулась на свежескошенной стерне. Было колко и смешно. Быстро вскочив на ноги, девочка заметила разбегающихся серых ящерок, но она их совсем не боялась. Ещё вчера Слава, поймав одну, показал, как «отстёгивается» у неё хвостик, и уверял, что это совсем не больно и что скоро на месте старого отрастёт новый.

Не переставая слушать песню, Танька бегала вдоль скошенных рядков, выбирая из них крупные, сладкие-пресладкие ягоды.

– А вон зайчики бегут! – послышался чей-то голос.

– Где? – заозиралась она вокруг, но ничего не увидела.

– Да вон же! Не туда смотришь, в небо смотри! – показывал на облака дядька постарше – Коля. Он только что закончил свой рядок и остановился подправить косу. Но как ни запрокидывала Танька голову, никаких зайцев она не увидела.

– Да ты ляг на траву и погляди подольше, – не унимался дядька.

Скорее чтобы не перечить старшему, чем поверив, что может что-то там увидеть, девочка улеглась на валок и уставилась вверх:

– Ну, какие тут зайцы – нет ничего, только облака бегут.

И вдруг увидела летящую птицу с широко распахнутыми крыльями. Она, эта белая птица, стремительно неслась прочь, на глазах превращаясь в бесформенную, смятую кучу, а на смену ей показалась чья-то зубастая пасть... Некоторое время Танька наблюдала за причудливо меняющимися облаками, но игра не захватила её, как надеялся дядя Коля. Во всём этом было что-то зыбкое, скоротечное, ненастоящее, не то что её песня. Но скоро оборвалась и она – подошло время обеда.

Косили, с небольшими перерывами, весь день. Дед торопил сыновей управиться до дождя, приближение которого он безошибочно определял по ломоте в ногах.

Поздним вечером, сидя у костра, взрослые вели неторопливый разговор. Из темнеющих неподалёку кустов доносилось мирное пофыркивание стреноженных лошадей, а из подвешенного над огнём котелка сердитое шипение подходившей каши. Вспомнив давешнюю забаву, Танька подняла глаза вверх и, всмотревшись в густую синеву засыпающего неба, увидела, как там один за другим вспыхивают яркие светлячки. Испуская белое сияние, они слегка подрагивали и, казалось, вот-вот сорвутся и полетят вниз. Устроившись поудобнее, девочка наблюдала за их игрой и скоро почувствовала, как оттуда, из таинственной, немного пугающей выси, нисходит покой. Он мягко обволакивал светлый пятачок вокруг костра, незаметно забирался под старенькую фуфайку, кем-то заботливо накинутую на её плечи, расслаблял и убаюкивал. Из всех сил борясь со сном, Танька смотрела на слабеющие язычки пламени и ждала, когда же, наконец, скажут, что каша готова, чтобы опробовать берестяную ложку, только что смастерённую для неё дедом. Чуть слышно позвенькивал колокольчик на шее молодой кобылки, от костра исходило приятное тепло... Пламя разрасталось и быстро превращалось в большой огненный шар, заслонивший всё вокруг...

Каши она так и не дождалась.

Комариные сны

Уже несколько дней в доме всё было перевернуто вверх дном, кучами лежали увязанные в большие узлы вещи, во дворе дед торговал соседям скотину и кур. Все бегали, суетились, и никто не объяснял, зачем надо было переезжать в какой-то большой город. Ещё раньше туда увезли новенький сруб, первоначально предназначенный на смену старого дома, и Танькин отец ездил помогать деду строить какую-то времянку. Понимая, что всем мешает, девочка ушла в палисадник, села на скамейку и задумалась. Она вспомнила, как дед рассказывал, что место для нового дома выбрал удачно, у молодого леса, и что совсем недалеко настоящее большое озеро. Улучив момент, Танька спросила:

– Деда, а озеро – это что?

– А это как наша копытка, только намного больше.

Копыткой называли провал старой шахты, заполненный водой и по форме действительно напоминающий лошадиное копыто. Дно шахты давно затянуло илом, берега поросли травой, и в летнее время для всего окрестного населения копытка служила местом отдыха.

– А в озере том, – продолжал дед, – рыбы всякой полно. Будет чем нашей рыбнице лакомиться.

Он посмотрел на бабушку – большую любительницу рыбки поесть.

– И я туда поеду. Я тоже рыбу люблю!

– Пока недо тебя там.

Девочка опустила голову.

– Да и комары тебя закусаят. Знаешь, они там какие? – прекрасно понимая настроение своей любимицы, оправдывался Фёдор Иванович.

– Какие?

Дед широко развёл руки:

– Вот такие!

– Таких не бывает! – не очень уверенно возразила внучка.

– Когда покусают тебя – поверишь!

Этот разговор не шёл у девочки из головы. Комаров, маленьких, визгливых, тех, что жили в лесу, она знала. Почему же в городе они такие большие? Очень хотелось спросить об этом у кого-то из взрослых – должен же кто-нибудь знать, но мешать им сейчас не решалась. В конце концов, в голову пришла спасительная мысль: комары большие потому, что город большой, или, как дед говорил, озеро большое.

Вечером пришла Анна и увела дочь с собой. Собственно, их семья, в которой, кроме Таньки, было ещё два младших брата, жила неподалёку, на дальнем Николаевске, но девочка там бывала нечасто. По камням они перешли большой ручей, вытекающий из ближней шахты, поднялись по крутому склону наверх и оказались у той самой

копытки. Танька вспомнила дедов рассказ про комаров и неутерпела, спросила у матери:

– Мам, а комары во-от такие бывают? – И она также широко развела руки.

– Кто это тебе сказал?

– Деда. Он говорит, в большом городе комары большие-пребольшие.

– Ну, тогда не знаю. Я же там не была. Может быть, они и вправду бывают огромные, – скупой улыбнулась мать.

Но дочь не унималась:

– Больше курей, что ли?

Понимая её удивление, Анна уклончиво ответила:

– Вот поедешь туда и всё сама увидишь.

– А когда?

– Когда можно будет.

Ответ был неопределённым, но то, что она когда-нибудь поедет в большой город, немного успокаивало.

Ночью ей и вправду приснились пеструшки. Они, как обычно, сидели на жёрдочках под навесом и вдруг полетели, на глазах превращаясь в большущих комаров. Клювы их вытянулись в тоненькие длинные трубочки. Звонко пища и махая крыльями, все дружно норовили сесть на перепуганную Таньку. Она вскрикнула и проснулась. Прозрачный сумрак летней ночи наполнял их скромное жилище. В нём легко угадывались массивная печь, стол со скамьёй у окна, посудный шкаф. Девочка вдруг вспомнила, как по весне, на этой вот скамейке, стоял маленький гробик с братом Толей, утонувшим в яме с талой водой прямо у ворот их балагашка. Ей стало не по себе оттого, что он теперь закопан в землю и ему, наверное, очень холодно и темно.

– Мама, – чуть слышно позвала она.

Анна отняла от подушки голову:

– Чего ты не спишь?

– А, – Танька хотела, было, спросить о брате, но вовремя осеклась, вспомнив, как бабушка просила не заговаривать с ней о Толе.

– Спи, – сонно приказала мать.

Завозился в зыбке трёхмесячный Коля. Анна быстро поднялась, взяла его на руки, дала грудь. Он громко зачмокал и затих. Какое-то время в комнате стояла тишина, а затем послышалось мелодичное поскрипывание пружины, на которой висела зыбка, и материн голос, убаюкивающий маленького братца: «А-а-а-а». Она пела тихо, протяжно и, как казалось Таньке, очень грустно. Не пытаясь вновь заговорить, девочка слушала немудрёный напев, постепенно проваливаясь в тёплую пустоту. И опять на неё налетели комары. На этот раз они походили на маленького Коло: запелёнатые в белое, кружились вокруг и пищали: «А мы в большом городе живём, а мы в большом городе живём».

Утром, поев манной каши, Танька заторопилась назад:

– Мама, пойдём скорее к дедушке.

– Не пойдём, нечего тебе там под ногами путаться. Не до тебя им сейчас.

Девочка оторопела: как так – не пойдём? А если без неё уедут в свой большой город? Она собралась было пустить слезу, но, стрельнув глазами по не улыбочивому материнскому лицу, передумала. Танька уже не раз замечала, как изменилась в последнее время мать. От неё не исходило, как прежде, спокойное тепло, даже голос звучал непривычно глухо, а то и резко. Иногда Анна поднималась на крышу их балагашка и подолгу смотрела куда-то вдаль, пугая своей отрешённостью. «Это она на кладбище смотрит, где Толик наш теперь лежит», – тяжело вздохнув, пояснила бабушка. Таньке было очень жаль мать, но как помочь, не знала и, чувствуя её отстранённость, не особенно лезла на глаза.

Выводя дочь из замешательства, Анна сказала:

– Ты уже большая, должна понимать, что у взрослых много своих дел и мешать им не нужно. Пойди лучше со Стёпой поиграй. Я вам одеялко на поляне постелю, и ты последишь за ним, пока я пелёнки стираю.

– Ладно, – невесело согласилась «арестованная».

Розовощёкий полуторогадовалый братишка был пухленьким, неповоротливым и оттого очень смешным. Он ни за что не хотел смиренно сидеть на одеяле и всё время порывался бежать. Танька снова и снова возвращала его на место, предлагала игрушки, но Тёпу они мало интересовали. Покрутив в руках резинового петушка, малыш, смеясь, запустил им в сестру и, неуклюже переступая короткими ножками, устремлялся в бега.

– Да ты не удерживай его на одеяле, а возьми за ручку и поводи. Видишь, как мужичку побегать-то хочется, – подсказала дремавшая на лавочке соседка баба Шура.

Таки сделали. Братец судовольствием ковылял по поляне, часто останавливался, чтобы сорвать белый шарик одуванчика, и, не понимая, куда тот мог подеваться, долго рассматривал свои ручки. Заметив в траве букашек, он плюхался на четвереньки и, в восхищении от их юркости и неуловимости, издавал громкие, пронзительные звуки. При этом Тёпа смешно морщил носик, чем немало потешал наблюдавшую за ними старушку. Добродушное веселье маленького брата постепенно передалось и сестре, но ненадолго. Как только Тёпа, нагулявшись, сладко засопел в кроватке, она тут же вспомнила про отъезд, и думать об этом было тяжело.

Вечером пришёл с работы отец. Он быстро выхлебал тарелку щей и заторопился:

– Нюра, заворачивай мальчика и пошли.

– Куда? – высунулась Танька.

– А ты с Тёпой дома побудешь, – вместо ответа распорядился отец.

– Все пойдём. Мало ли что? Может, быстро не вернёмся – как они тут одни, – возразила мать. И, посмотрев на дочь, добавила: – Да и прощается пусть.

У девочки перехватило дыхание – она всё прекрасно поняла.

Во дворе стоял грузовик, набитый узлами и мебелью, и дед с сыновьями, накинув повер огромный брезент, крепили его верёвками. Отец с ходу принялся им помогать. На Таньку никто не обратил внимания. Покрутившись около грузовика и понимая, что деду сейчас не до неё, она отправилась на поиски бабушки. Татьяна Степановна стояла за воротами в окружении соседок. Лица женщин были непривычно торжественно-строгими, и разговаривали они негромко, как-то тоже по-особенному, неторопливо, с паузами и вздохами.

– Ну вот и новая хозяйка заявила! Теперь ты моей соседкой будешь вместо бабушки, – обернулась к девочке тётя Маруся Лаптева.

Танька ничего не поняла из сказанного и прижалась к бабушке.

– Как же ты без деда-то жить будешь, да и он без тебя? – спросила другая соседка – тётя Феня. У девочки защипало в носу...

– А мы её к себе заберём, как только обживёмся маленько, – чтобы не допустить слёз, быстро ответила за внучку Татьяна Степановна и наклонилась к ней:

– Да? Поедешь больших комаров кормить в Челябинск?

Танька молчала. Всё происходящее было так необычно, непонятно и так тяжело, что она боялась только одного – чтобы стыдно не расплакаться прямо здесь, перед чужими людьми. Но слёзы предательски полились, как только управившийся с брезентом дед подхватил её на руки.

– Не реви, Танюшка, – уговаривал он внучку, – не то я тоже разревусь. Ты же здесь за хозяйку остаёшься. Будешь в доме жить.

– Не хочу-у-у!

– Как не хочешь? Я же тебе дом оставляю, чтобы ты его караулила, жила в нём. А то, что же, он без людей стоять будет? Один?

Сквозь слёзы, но до Таньки стал доходить смысл сказанных тётей Марусей слов.

– Я, что ли, одна здесь буду жить? Я не буду-у-у.

– Почему одна? С матерью, отцом и братишками. Жить и дом наш караулить, чтобы он не скучал. А к нам в гости будешь приезжать. Поняла?

Девочка поняла, и не только умом, но и чутким своим сердечком, что прежней жизни пришёл конец. Что так вот просто, не спрашивая, согласна или нет, оставляют и уедут, и смогут жить без неё. А что она не может без них – никого не волнует.

Жаркая волна обиды захлестнула всё её маленькое существо. Танька соскочьнула с дедовых рук и, задрвав вверх головёнку, с недетским достоинством проговорила:

– И ты к нам тоже в гости приезжай, – отсекая себя от дедовой семьи. Она приняла вызов, брошенный судьбой, и ни о чём никого больше не просила...

Ночью ей опять снились комары. Они, словно пчёлы, тёмным роем летели за грузовиком и дразнили: «А мы без тебя уезжаем в большой город, а мы тебя не возьмём, не возьмём, вот так, вот так, вот так!»

Когда задиристый осенний ветерок устлал сад жёлтым ковром из листьев, а с неба часто и нудно закапало, неожиданно приехал дед с дядей Колей. По старой привычке, Фёдор Иванович заботился о семье старшей дочери. На этот раз кузов грузовика был доверху наполнен углём.

– Разгружайте! – приказал он зятю и сыну. Оборотясь к Анне, добавил: – С углём-то не с дровами, куда как веселее заживёте зимой.

Затем тепло посмотрел на внучку:

– Ну, чего к деду не идёшь?

Та только того и ждала. Быстро метнулась к нему и, подхватившая на руки, первым делом спросила:

– Деда, ты скоро уедешь?

– Скоро, вот сейчас разгрузимся и назад. Дяде Коле машину только до утра дали.

Танька насупилась.

– Ты, давай-ка, расскажи, как здесь живёшь. Помнишь наш уговор, что дом будешь охранять? – ушёл от неприятной темы Фёдор Иванович. – У меня ведь вся надежда только на тебя.

«Хозяйка» вмиг посерьёзнула:

– Сад охраняю. Я там играть люблю. Теперь на земле красиво от листочков. Серёжка Лаптев за красными ранетками хотел залезть – на верхушках их ещё много – так мы с Галькой Урсаевой его прогнали. Он теперь со мной играть не хочет.

Дед рассмеялся:

– Ай да внучка у меня – молодец девчонка! Вот так и охраняй! На деревья не надо лазить – ветки тонкие, поломаются. А с Серёжкой сильно за ствол потрясите – ранетки сами на землю осыплются.

И, заговорщицки понизив голос, спросил:

– Не обижают тебя без меня?

Она обхватила деда за шею и так же тихо ответила:

– Мне без тебя плохо, и без бабушки, и без всех...

– Ну ничего, потерпи ещё маленько. Следующим летом дом поставим – и переедешь к нам жить.

Девочка ничего не сказала в ответ, только тяжело вздохнула.

Скоро во дворе выросла куча из диковинных чёрных камушков, которых Танька никогда ещё не видела, и мама позвала мужчин к столу. Привычно уместившись на дедовом колене, девочка слушала их разговор, и ей очень хотелось, чтобы дед вот так вот сидел и никуда не уезжал, но скоро он заторопился:

– Пора нам, дорога не ближняя, к ночи бы успеть доехать до дома.

Провожать их вышли всей семьёй. Танька, изо всех сил сдерживая слёзы, упорно смотрела в землю. Отец открыл ворота, и машина, выпустив едкую струйку дыма, выкатила на улицу. Понимая, что уговоры бессмысленны, дед молча погладил внучку по головке и направился к машине.

– Деда, а ты когда ещё приедешь? – срывающимся голосом обречённо спросила она вдогонку.

Уже взявшись за дверцу кабины, Фёдор Иванович остановился, опустил потянувшуюся к подножке ногу, а затем решительно повернулся к дочери и зятю:

– Собирайте, со мной поедет! Мочи нет на неё, такую, смотреть!

– Да ты что? Вам и самим во времянке места мало! – удивилась такому повороту Анна.

– Ничего, найдём местечко! С нами поспит, – уже спокойно, как о чём-то давно решённом, возразил ей отец. – Собирай быстрее!

Когда в низеньком дверном проёме их временного жилища показалась счастливая Танькина мордашка, грянул такой дружный смех, что от неожиданности она растерялась.

– А мы гадали здесь все: привезёт – не привезёт, устоит или нет дед? – расцвела улыбкой Татьяна Степановна.

Ночью, уютно ткнувшись в дедову подмышку, а спиной ощущая мягкий бабушкин живот, Танька сладко посапывала, и никакие комары ей больше не снились.